

Борисовские предмостные укрепления

Одним из замечательных литературных источников, датированных началом XX в., в котором упоминается г. Борисов и предмостные укрепления, является «Полное географическое описание нашего отечества». Книга подарена краеведческому музею в 1971 г. старейшим краеведом, известным учителем одной из школ г. Борисова В.К. Владимировым. В ней есть запись, имеющая к предмостным укреплениям самое непосредственное отношение: «Город не имеет никаких достопримечательностей, кроме остатков батарей, построенных французами во время нашествия Наполеона. Эти остатки возвышаются на правом, гористом берегу р. Березины и служат местом гулянья для публики, так как в городе нет никаких садов; другим таким местом для гулянья служит мост через Березину»ⁱ. В книге «Город Борисов», вышедшей из печати в 1910 г., читаем: «На правом берегу Березины, перед мостом, были насыпаны окопы (ныне так называемые "батареи") для двадцатитысячного русского войска. Все эти работы были закончены к весне 1812 года»ⁱⁱ. В «Полном географическом описании...» есть еще одна запись, также касающаяся борисовских предмостных укреплений: « На другой стороне реки, в некотором расстоянии, на взгорье поднимаются укрепления, о которых мы уже упомянули; в настоящее время они заросли сосновым лесом; эти укрепления были построены в 1811 году. При переходе французских войск через Березину ген. Домбровский из окопов укрепления защищал мосты»ⁱⁱⁱ. Нужно заметить, что в Борисове это место и сейчас называется «батареи». Приведем еще один отрывок из книги «Город Борисов»: «Это была стычка русского войска, состоявшего под командой адмирала Чичагова с польским войском, состоявшим под командой генерала Домбровского. Битва эта продолжалась до 5-ти часов пополудни и кончилась тем, что польский генерал, потеряв 7 пушек и более 2-х тысяч человек убитыми, принужден был отступить по Московскому тракту через Борисов и Лошницу, за которым тотчас следовало русское войско, которое и во время пути истребило много неприятельского войска»^{iv}. Герой Отечественной войны 1812 года генерал Ермолов в своих «Записках...» сообщает: «Высоты на правом берегу реки Березины, лежащие против Борисова, заняты были укреплениями, в которых в продолжение войны войска польские под командою генерала Домбровского, упорно защищаясь, выгнаны были отрядом генерал-майора графа Ламберта, и укрепления взяты штурмом с потерей довольно умеренною. Сие свидетельствовать может о силе укрепления...»^v. К этому еще можно добавить, что «батареи» потому и стали легкой добычей егерей генерала К.О. Ламберта, что «в спешке перед войной укрепления не были достроены, а после их захвата французскими войсками вообще потеряли какую-нибудь боевую значимость и были даже частично срыты под руководством инженерного полковника де Беарна»^{vi}. Это произошло в конце октября 1812 г. по приказу французского коменданта г. Борисова. Тем не менее основная часть укреплений уцелела. Не случайно, по-видимому, командир 7-го Егерского полка майор Михеев в своем рапорте на имя графа Де-Ламберта упоминает два хорошо сохранившихся редута, один из которых называет «средним», а также какие-то «шанцы» борисовского предмостного укрепления, которые ему довелось штурмовать 9 ноября 1812 г.^{vii}

Учитель Борисовского уездного училища И.И. Сухецкий значительно расширил возможности местных краеведов в смысле отыскания некоторых подробностей о строительстве мостовых укреплений в г. Борисове в 1812 г., написав книгу о событиях, случившихся в Борисове с 1809 по 1812 г., экземпляры которой находятся ныне в государственном архиве Литовской Республики в г. Вильнюсе и в Москве в РГВИА. В Борисовском музее имеются только некоторые выдержки из этой книги, они используются нами при описании истории возникновения предмостных укреплений. В частности, вот что пишет в своем дневнике школьный учитель Сухецкий: «Около 24 февраля прибыл в Борисов подполковник Сазонов с командой пионеров и тотчас начал вырубать лес по обеим сторонам моста по дороге, ведущей к Минску. Очистив таким образом около восьми сот саженой в длину, и столько или может быть еще более в ширину, около 15 апреля 1812 года приступил к укреплению обеих сторон моста над рекой Березиной»^{viii}. Местные

власти предоставили в помощь саперам сотни крестьян и горожан со своими лошадьми и повозками. Оплата крестьянам за работу осуществлялась из военной государственной казны в сумме 1,5 руб. в день. Кажется совершенно очевидным тот факт, что именно сведения, приведенные И.И. Сухецким в своем дневнике легли также в основу описания строительства мостового укрепления, изложенного в книге В. Г. Краснянского «Город Борисов и Борисовский уезд в Отечественную войну 1812 года». Краснянский ообщает, что «тет-де-пон» был устроен возле д. Дымки (в г. Борисове в этом районе сейчас находится ул. Дымки). От предмостных укреплений до «обширных лесов», покрывавших правый берег р. Березины, было около версты. Краснянский уточняет, что комендантом Борисовского укрепленного района был назначен полковник Грессер^{ix}. Далее автор замечает, что строительство борисовских укреплений «далеко еще не было закончено, как русским пришлось оставить Борисов без боя»^x. Генерал А.Н. Апухтин в исследовании этой проблемы продвинулся значительно дальше, уточнив внешний вид «батарей», а также их расположение относительно частей света. В частности, он писал: «Здесь были укрепления, воздвигнутые в 1812 году русскими инженерами в предвиденье войны; работы еще не были закончены, когда Борисов был занят корпусом Даву. Построенные фронтом на запад, Борисовские укрепления не могли иметь значения для французов, а потому были уже частью срыты, когда армия Чичагова спешно двигалась к Минску. Но и в таком виде укрепления эти представляли серьезное препятствие для атакующего, состоя из двух редутов, соединенных между собой ретраншементом. Леса правого берега Березины охватывали укрепления, оставляя впереди их открытую полосу местности шириной около версты. Большая дорога из Минска у самых укреплений поворачивала влево и, обогнув правый редут, спускалась с крутого берега к мосту. Южнее дороги, там, где она выходила из лесу, имелась командующая высота, отделявшаяся от левого редута глубоким оврагом»^{xi}. В рапорте от 22 июня 1812 г. генерал-майора Е.Х. Ферсте-ра князю П.И. Багратиону также есть описание строящихся борисовских укреплений: «...укрепление города Борисова состоит из двух редутов, которые защищают лежащие от них в 140 сажнях флешы и взаимно от флангов его защищены между собой флешы редутами. Инженером генерал-лейтенантом Трузсоном приказано устроить две теналионы (deux tenailles). Таким образом, что оборона почти на пистолетный выстрел основана; от середины немного вправо устроится другая флешь, которая с тыла все эти верки защищает; в каждом из них устроятся из распиленного леса пороховые погреба, магазины и казармы для солдат, с земляною насыпью для безопасности от бомб. Грунт весьма слаб и песчан, а одежда дерновая, только в одну дернину, а тыл всего укрепления по приказанию генерал-лейтенанта Трузсона палисадами в редантную линию ограждается. Первоначальная идея этого укрепления совершенно отвечает его местоположению, все дороги, ведущие в город с этой стороны хорошо защищены и неприятеля здесь удобно и можно на время удержать, но скорость с которой работы производятся, слабость грунта, не имеющего никакой связи в песке, спалерная в дерновой кладке работа и короткое время, в которое земля могла бы улежаться, заставляют меня сомневаться в долгом и совершенном противлении сего укрепления неприятелю. В этом неотделенном состоянии, хотя она отменно хороша для обороны, расположена плотина и довольно длинный мост ведет в город через Березину, которая здесь судоходная, мост при отступлении должны сломать и с тем преследование неприятеля удерживать. На левой стороне старое пятиугольное укрепление защищает переход. Но хотя она в переделке означена и накатными местами для пушек отделяется, та работа при оной по употреблению людей на передовых укреплениях производится помалу и по прибытии войск туда непременно усиливать их должно, дабы она в случае нужды своему предмету отвечала. Полагать должно, что все эти работы не прежде месяца совершенно могут быть окончены»^{xii}. Местный краевед, бывший директор музея Ж. Гилевич считает, что «укрепления занимали около 1700 метров в длину и ширину»^{xiii}. В тексте экскурсии по Борисовскому музею, подготовленном научным сотрудником Н.В. Колодяжной, так же упоминается эта цифра, но применительно к пространству, освобожденному от леса «по обе стороны моста через Березину полосой и длиной по 1700 метров». Цифра 1700 м, приведенная Н. Колодяжной, возникла, скорее всего, от умножения «800 сажений», о которых упоминает в своем дневнике И.И. Сухецкий, и метрического значения русской меры длины - сажени, равного 2 м 13 см. Экскурсия подготовлена в 1987 г., буклет под редакцией Ж. Гилевич увидел свет в том же

году, что свидетельствует о том, что цифра 1700 была совершенно бездумно позаимствована Ж. Гилевич у Н. Колодяжной. Если верить тому, что написано в буклете Ж. Гилевич, то получается, что укрепления, построенные перед мостом, как раз и заняли все то пространство, которое освободили от леса саперы Сазонова. Что, безусловно, не так, ибо «батареи», как тогда, так и сейчас, занимали и занимают пространство гораздо меньшее, и перед ними еще в 1812 году оставалась «открытая полоса местности шириной около версты»^{xiv}.

Кстати, сегодня самым востребованным источником, включающим в себя и тему «Борисовский тет де пон», в г. Борисове (да, пожалуй, и в Республике Беларусь) является научно-популярное издание под общей редакцией Г.Ю. Мазинга и Л.Ф. Ерусалимчик «Березина, год 1812-й». Авторами этой книги использована значительная часть фактов о борисовском предместном укреплении, имеющих в источниках, названных мной выше. Достоинство их работы заключается в том, что в небольшой по объему и формату брошюре добросовестно собраны в одно целое и в доступной форме (правда, без ссылок на источники) изложены все основные сведения о событиях 1812 г. на Березине.

И все же, на мой взгляд, все сведения о борисовском предместном укреплении, имеющиеся в «готовом» виде в уже названных мной источниках, вышедших из печати до октября 1917 г., а также совершенно неполные, изложенные в современной литературе, дают только некое общее представление о «больших горах понапрасну потревоженной земли»^{xv}. Чтобы немного оживить данную картину, автор этой работы использовал факты, взятые им из книги А.М. Ненадовца «Крепость на Березине». В ней есть упоминания и о борисовских «батареях». В частности, Алексей Михайлович сообщает, что уже в марте 1810 г. в Белоруссию для определения мест постройки необходимых укреплений на Березине и Западной Двине прибыли десятки инженеров. В их числе был и Теодор (Федор Евхимович) Норбут. Именно он сложил детальный план строительства Бобруйской крепости^{xvi}. Вы спросите, а какое отношение это имело к постройке борисовского укрепления? Самое непосредственное, так как «именно после разработки Т. Норбута, в Бобруйске решили строить крепость...». «Планировалось всего за два года поставить две крепости, которым придавалось особенно важное значение — в Бобруйске и Динабурге, а между ними — дополнительную Борисовскую укрепленную позицию, расположенную на правом берегу реки Березины»^{xvii}. В своей книге профессор А.М. Ненадовец уточняет: «План Т. Норбута был только первоначальным вариантом. Позже появился генеральный план К.И. Оппермана, утвержденный Александром 1-м, который после смерти генерала несколько раз изменяли, дополняли новыми деталями»^{xviii}. Из всего сказанного выше можно заключить, что борисовские укрепления также строились по проекту генерала Опермана. Строительство Бобруйской крепости (по мнению Ненадовца) было возложено на генерал-майора Фалькерзона, Динабургской — на генерал-майора Гекеля, «знаменитый» Дрисский укрепленный лагерь, позже названный французами «памятником невежеству»^{xix}, строил небезызвестный генерал-лейтенант Фуль. Дрисский тет де пон во многом (согласно описанию его генералом Ермоловым А.П.) был похож на борисовские предместные укрепления. Возможно, поэтому их судьба совершенно одинакова — они были оставлены без боя в самом начале русско-французской кампании. Дрисский, например, если верить генералу Ермолову, только потому, что к обороне совершенно не был пригоден^{xx}.

Руководствуясь логикой, можно предположить, что и борисовское укрепление, имея в достаточном количестве боеприпасы, орудия, провизию и фураж, ввиду своей непригодности к обороне, было оставлено русскими войсками без боя, возможно, только потому, что строилось под руководством и при непосредственном участии генералов то ли Фуля, то ли Гекеля. Косвенным подтверждением того факта, что «батареи» в Борисове, увы, не представляли из себя, вопреки мнению генерала Апухтина, «серьезного препятствия» на пути движения вероятного противника на момент его наступления в 1812 г., может служить, например, то обстоятельство, что остатки 17-й дивизии генерала Яна Домбровского не смогли там продержаться и полусуток, когда генерал-адъютант К.О. Ламберт начал штурмовать «батареи» силами всего трех егерских полков, имея в своем распоряжении всего одну легкую пушку. Конечно, сыграло свою отрицательную роль для поляков и то, что укрепления к моменту их штурма отрядом

Ламберта «24 числа прошлого октября по приказанию Наполеона были уничтожены»^{xxi}.

К сожалению, нам не известно, сколько денег было затрачено царским правительством на строительство борисовских предместных укреплений. Мы также пока не знаем, сколько нижних чинов умерло от болезней или же непосильного труда при постройке «батарей» за те два с половиной месяца, в течение которых продолжалось их строительство. Но цифры, если бы мы ими располагали, могли быть очень впечатляющими... (Особенно те, которые касались стоимости затрат на возведение этого земляного сооружения?) К примеру, при постройке Динабургской крепости трудились тысячи людей в течение около двух лет. При этом «более пяти тысяч человек военных людей погребено при работах и в таком же или большем числе рассеяла смертность»^{xxii}. Кроме того, были затрачены сотни тысяч рублей казенных средств. Совершенно очевиден следующий факт: для того что бы перевернуть такие огромные массы земли за столь короткий срок, нужна была очень большая сила. Этой бесплатной рабочей силой, как и в наше время, могли быть только военнослужащие Борисовского гарнизона, а возможно, еще и солдаты, согнанные в г. Борисов из ближайших гарнизонов русской армии в Северо-Западном крае (например, из Минска).

Ознакомившись с описанием «батарей», изложенным выше, можно попытаться представить, как они выглядели в начале русско-французской войны. На самом деле это было не столько сложное, сколько дорогостоящее по тем временам инженерное сооружение, а денежных средств в казне царской России, как всегда, не хватало. К тому же в такой короткий срок (неполных три месяца) построить что-либо «серьезное» перед Борисовским мостом технически было просто невозможно. Генерал А.Н. Апухтин был совершенно прав, когда говорил, что строительство «батарей» к моменту наполеоновского нашествия не было окончено. При этом он уточнил, что были построены только два редута и ретраншемент. Генерал ошибся только в оценке значимости этих укреплений - серьезной опасности для противника они, увы, не представляли, так как с тыла ничем не были защищены, и русские части, там находящиеся, можно было легко взять в кольцо и принудить сдаться или уничтожить. К июню 1812 г. только и «были насыпаны окопы для двадцатитысячного русского войска»^{xxiii}. Тем не менее В.Г. Краснянский писал: «Эти укрепления и в своем полуразрушенном виде могли быть хорошим укрытием для французов и сильным препятствием для атакующих, но беспечность Брониковского и неосведомленность Домбровского о движении русских погубили их»^{xxiv}. На самом же деле «батареи» практически были не пригодны для обороны моста. Если бы они, например, еще тогда были грозными сооружениями, то их могла бы с успехом и долгое время защищать и небольшая воинская часть, вооруженная артиллерией с достаточным количеством боеприпасов. Все это у полковника Грессера, как известно, в июле 1812 г. было, но, «согласно полученному от Багратиона приказанию, он немедленно велел сжечь недавно выстроенный на Березине мост и магазины, наполненные овсом, сеном, крупую и сухарями, заклепать орудия и затопить порох в реке, и поспешно отступил через Могилев на Бобруйск»^{xxv}. Из дневника И.И. Сухецкого мы узнаем, что Грессер оставил г. Борисов «июня 30 ня в 9-м часу утра... бросив весь порох и прочие горючие вещества в реку Сху...»^{xxvi}.

Закончилась «гроза двенадцатого года»^{xxvii}. Город Борисов, возвратившись к мирной жизни, медленно начал восстанавливать все разрушенное и сожженное французскими завоевателями в 1812 г. Нам известно, что для этого местные власти широко использовали французских военнопленных из числа захваченных русской армией на Березине. Они же, как следует из «Полного географического описания...», восстанавливали и борисовские предместные укрепления, точнее, строили их фактически заново. Ранней весной 1813 г. в Борисов из Бобруйска опять прибыла инженерная часть — 1-й саперный батальон, которым командовал подполковник Сазонов, который и начинал строительство «батарей» еще в феврале 1812 г. В апреле того же года батальон приступил к фортификационным работам в г. Борисове на р. Березине. Предстояло достроить и усилить предместные укрепления на западном берегу реки^{xxviii}. С этой целью, пишет Г.Ю. Мазинг: «На протяжении нескольких месяцев над восстановлением старых и возведением новых земляных укреплений вместе с саперами работали крестьяне окрестных деревень и пленные французы»^{xxix}.

В 1-м саперном батальоне в качестве капитана служил К.А. Шильдер, который во время постройки «батарей» «ревностно следил за тем, чтобы профили укреплений возводились в строгом соответствии с канонами фортификации, ведущими свое начало со времен Вобана, чтобы бруствер редута господствовал над гласисом - валом впереди рва - не менее, чем на 5 футов»^{xxx}.

В распоряжении автора этой работы имеется три чрезвычайно интересных с научной точки зрения документа. Первый датирован 14 мая 1831 г. Это рапорт на имя управляющего Главным штабом русской армии генерал-адъютанта графа Г.А. Чернышева, подписанный директором инженерного департамента российской империи генерал-инженером графом Опперманом. Граф сообщает Чернышеву, что им от императора получено устное «повеление насчет возобновления в городе Борисове укрепления»^{xxxii}. Генерал Опперман фактически предлагал свой план работ «для приведения в оборонительное положение»^{xxxiii} борисовских предместных укреплений. Опперман писал о том, что для этого может «понадобиться... довольно значительная сумма», «ежели предполагать, что сие довольно обширное укрепление следует вооружить орудиями и иметь в оном в зимнее время гарнизон»^{xxxiii}. Здесь же генерал-инженер говорит и о возможности значительно уменьшить эти материальные издержки, «ежели ограничиться исправлением обоих редутов А. и Е., среднего люнета, с обращением среднего Набережного Бастиона в замкнутый люнет»^{xxxiv}. К рапорту Оппермана прилагался следующий документ на двух листах: «Описание Борисовского мостового укрепления, построенного в 1812 году, с показанием в каком положении они находятся в настоящее время и какие потребны меры к приведению оного в оборонительное состояние против открытого нападения»^{xxxv}. Знакомство с этим источником дает частичное представление о том, как выглядели восстановленные (читай, почти заново построенные) французскими военнопленными знаменитые борисовские «батарей», остатки которых сохранились до настоящего времени и находятся в г. Борисове в самом конце проспекта Революции, буквально в 100 м от здания краеведческого музея.

Прежде чем перейти к изучению этого документа, ознакомимся с хорошо известной книгой польского историка Евстахия Тышкевича «Описание Борисовского уезда». На русский язык в Борисове книга переведена Ч.И. Пу-хальским в 1978 г. В книге Е. Тышкевича также есть сведения, касающиеся заново построенных французами еще в 1813 г. борисовских предместных укреплений: «Предмостовое укрепление до 1814 г. занималось небольшой воинской командой, которая под руководством одного офицера охраняла его и смотрела за порядком. Подземные казармы, построенные из дерева, были заняты воинскими ремесленниками, сапожниками, готовившими сапоги для армии. Склады были заполнены оружием, собранным с мест сражений и оставшимся после французов, и частично заполнены продовольствием. Укрепления, которые строились в спешке, уже в 1814 г. были брошены. Местные жители, извлекая из них древесину и железо, ускорили их разрушение. Вскоре начали обрушиваться в разных местах подземные переходы и брустверы. И наконец, время их так уничтожило, что сегодня кроме осыпающихся земляных валов, поросших редкой сосной, ничего уже не осталось и только мысленно можно представить их прежний вид»^{xxxvi}.

В связи с чем возник вопрос о восстановлении предместных укреплений неизвестно. Кажется, в 1831 г. России с запада никто не угрожал. (Есть предположение, что это было связано с польским восстанием 1831 г.) Тем не менее вопрос о капитальном ремонте «батарей» в Борисове инженерным департаментом России муссировался, но так и не был решен опять же по банальной причине — ввиду отсутствия необходимых денежных средств. Вот что отвечает в своем рапорте на имя главнокомандующего Резервной армией генерала от инфантерии Толстого генерал-адъютант Чернышев: «Государь император, выслушав отношение ко мне вашего сиятельства от 2-го числа сего июня за № 146 о значительности работ, кои следовало бы предпринять для приведения укреплений г. Борисова в выгодное для обороны сего пункта состояние, высочайше повелел соизволить оставить предположение о возобновлении сих укреплений без исполнения»^{xxxvii}. В том же рапорте Чернышевым, со ссылкой на командующего Резервной армией, дан развернутый ответ и К.И. Опперману: «...средства, потребные для возобновления сих укреплений далеко превышают те выгоды, которые пункт этот доставить может»^{xxxviii}. Вместе с этим рапортом

граф Чернышев возвратил Опперману чертежи и описание укреплений, сделанные инженером штабс-капитаном Геннерия, проходившим службу в г. Бобруйске^{xxxix}. В частности, в рекомендациях по их восстановлению последний писал: «Обширное сие укрепление, имеющее более двух верст в окружности и построенное к тому же на сыпучем песке, весьма трудно в скором времени привести в хорошее оборонительное состояние, ибо в таком случае необходимо нужно: 1) плакировать все крутости вновь; 2) построить новые выходы, капониры, потерны и казармы; и, наконец, 3) отделать всю набережную часть и кругом гласис»^{xl}.

Ниже мы попытаемся на основании составленного штабс-капитаном Геннерия описания предместных укреплений реконструировать их внешний вид (к сожалению, чертежи в нашем распоряжении отсутствуют, но схема укреплений прилагается). Как видно на рис. 1 укрепления в плане некогда представляли из себя неправильный многоугольник. До настоящего времени частично сохранились только два редута - 1-й и 2-й (или А и Е). Как известно, редуты - это сомкнутые полевые укрепления прямоугольной или многоугольной формы, подготовленные к круговой обороне. Между ними были насыпаны высокие валы с двумя капонирами, под валгангами которых были расположены казармы, по три в каждом. Инженер Геннерия писал в своем отчете, что все три казармы, которые были построены под валгангами редута А, совершенно развалились. Та же участь постигла и капониры. Геннерия рекомендовал места, где казармы обвалились, вообще оставить без валгангов, устроив для банкетов деревянные подмости^{xli}. Из описания, сделанного инженером Геннерия, мы знаем, что редут А имел подземный выход, который некогда запирался прочными двойными барьерными воротами. Так вот, согласно описанию, этот выход совершенно ввалился и обрушил за собой часть вала, которую необходимо скрыть, сделав новый подземный выход^{xlii}. Корона бруствера редута А некогда была обложена (одета) дерном, стенки его наружного вала были так же одернованы и укреплены фашинами. С фронта редут прикрывала еще и пологая земляная насыпь — своеобразный скат, откос, устроенный перед наружным рвом фортификации, так называемый гласис, служивший для улучшения условий обстрела местности и маскировки укреплений. Штабс-капитан Геннерия писал, что корона бруствера местами обвалилась, наружные крутости изрыты, ров засыпан наносным песком, а гласис весьма худо обделан. Поэтому корону бруствера должно присыпать и одеть дерном, наружные же крутости по возможности починить фашинами и дерном^{xliii}.

Набережный вал — одна из частей мостового укрепления — представлял из себя земляное сооружение, охватывавшее почти полукругом мостовое укрепление со стороны р. Березины, т.е. с тыла фортификации, соединявшееся с обоими редутами посредством так называемых потерн. Как и каждый редут, набережный вал был окружен наружным рвом — контрэскарпом, ближайшим к противнику откосом-заграждением в виде крутого среза, ската местности, обращенного в сторону обороняющегося, высотой 3-4 м и шириной до 6 м. Этот откос внешнего крепостного вала, использовался до XIX в. в качестве противоштурмовой преграды^{xliv}. Набережный вал борисовского укрепления некогда состоял из трех линий фасов, устроенных параллельно друг к другу. По верху этих трех валов шел внутренний ров-окоп для стрелков с высоким бруствером и бермами, оборудованный так называемым банкетом. Изнутри бруствер был отделан (одет) плетнем, изготовленных из лозовых прутьев. Вал, как и редуты, был оборудован гласисом. Инженер Геннерия подчеркивал, что набережный вал на момент его осмотра (весна 1831 г.) «имеет весьма слабую профиль, крутости везде обвалились. Ров не отделан и по вайлинии контрэскарп не выведен. Что бы усилить профиль, должно внутреннюю крутость бруствера одеть плетнем, отступив на два фута вовнутрь и понизить немного банкет. Должно вырыть небольшой ров глубиною 10 футов и шириною в шестнадцать. Кругом всей набережной части, параллельно вала, землю из рва употребить на гласис, в самых же слабых частях вала уставить на бермах рогатки»^{xlv}. Нужно заметить, что набережный вал некогда имел главный выход из фортификации, расположенный с тыла мостового укрепления. Дорога от него вела прямо к мосту через Березину. Щеки, т.е. боковые стены вала, через которые он был проложен, были отделаны фашинами. Геннерия отмечал в своем отчете: «Главный выход в настоящее время совершенно не отделан, щеки его обвалились. Щеки должно одеть фашинами, а впереди выхода построить тамбур с

барьерными воротами»^{xlvi}.

Из описания инженера Геннерия так же известно, что набережный вал соединялся с другими частями борисовского предмостного укрепления посредством двух подземных коридоров (галерей), или потерн. Штабс-капитан Геннерия подчеркивал: «Левая потерна в довольно хорошем состоянии, а правая развалилась. Ее должно совершенно исправить, дабы от нее провести скрытое сообщение к тамбуру, которым нужно занять высоту, что бы обстреливать подошву оной, а правую потерну засыпать»^{xlvii}. Что касается правого редута Е, то он, по мнению штабс-капитана, находился «в таком же положении, как и редут А только выход его не развалился»^{xlviii}. Геннерия рекомендует исправить «наружные крутости и банкет таким же образом, как в редуте А, предположено - выход поддержать рамами, а сверху одного снять часть вала, что бы уменьшить тяжесть»^{xlix}.

Фронт «батарей» с запада и северо-запада был прикрыт так называемым куртинным валом, или куртиной -участком крепостной ограды, соединяющей соседние бастионы и образующей вместе с ними так называемый бастионный фронт. В него входили средний и два боковых люнета, а так же левый и правый редуты, соединенные между собой куртиной. Все это и являлось главной оборонительной линией борисовских предмостных укреплений, названной инженером Геннерия куртинным валом. В нем, тоже под валгангом, были устроены подземные казармы, которые к 1831 г. совершенно развалились. Рекомендаций по их восстановлению в описании инженера Геннерия нет. Штабс-капитан только отмечал, что наружные крутости и щеки куртинного вала обвалились. В то же время потерны, ведущие в капониры (которые тоже местами обвалились), сохранились еще в довольно хорошем положении. Инженер считал, что в первую очередь нужно устроить для банкета деревянные подмости, затем снять с капонира лишнюю землю, подпереть накатник в некоторых местах бревнами и починить стены¹. По нашему мнению, здесь, на куртинном валу, планировалось в случае военной угрозы с запада расположить основную огневую мощь борисовских укреплений — артиллерию. Как и во всех такого же рода сооружениях, на куртинном валу для пехоты также, по-видимому, были устроены приступки для ведения ружейного огня поверх бруствера. С внутренней стороны куртинного вала борисовского предмостного укрепления, тактически разделенного средним люнетом на две примерно равные части (длиной 250 м каждая), образующие по отношению одна к другой почти прямой угол, как нам известно из описания инженера Геннерия, располагались капониры— гигантские ниши с накатниками для ведения флангового артиллерийского огня в двух противоположных направлениях. Капониры, скорее всего, были соединены с другими опорными пунктами мостового укрепления подземными коридорами. Последние укрепления, на которые рекомендует обратить внимание штабс-капитан Геннерия при их восстановлении, были боковые люнеты. Их на самом деле было три — два боковых и средний. Все три люнета, располагавшиеся впереди куртинного вала, представляли из себя земляные укрепления, состоявшие из фронтальных и боковых валов, горжа которых была тактически прикрыта с тыла куртинным валом. Собственно, люнеты были устроены так, что в отличие от редутов, являлись открытой с тыла линией полевых оборонительных укреплений. Щеки люнетов некогда были обложены дерном, корона их бруствера тоже - все это к 1831 г. пришло в негодность. На фасах люнетов, скорее всего, располагались банкеты для размещения стрелков. Нужно отметить, что устройство люнетов на путях вероятного штурма противника, как правило, подчеркивало важность участков, нуждающихся в дополнительном прикрытии с фронта. Геннерия считал, что для приведения укреплений в боевую готовность необходимо: «Щеки люнетов одеть дерном и крутости поправить, горжи всех трех люнетов должно сомкнуть сплошным палисадом с бойницами и навесить барьерные ворота»^{li}.

В описании борисовских предмостовых укреплений, сделанном штабс-капитаном Геннерией, есть упоминание об одном из локальных укреплений, так называемом отдельном капонире. Где он располагался точно установить очень сложно, так как от этого капонира давно уже ничего не осталось. Как нам кажется, он мог служить для защиты главного входа (выхода) из земляного укрепления и, вероятно, был построен примерно в середине набережного вала, т. е. с тыла «батарей». Геннерия отмечал, что отдельный капонир еще в 1831 г. был «совершенно разрушен». Он рекомендует: «Место сие должно выровнять»^{lii}.

Остатки «батарей» ныне зажаты в многоугольнике, образованном улицами Батарейной, им. Батурина, Р. Люксембург и просп. Революции. Со стороны просп. Революции частично сохранился левый редут укрепления, до сих пор высота его вала достигает 6 м. С достаточной степенью вероятности можно определить место, где был вход в это укрепление с барьерными воротами. Впереди укрепления, на том месте, где некогда был его накат, расположены жилые дома ул. Батарейной, а также здания и строения тубдиспансера 1-й Советской больницы. Если ориентироваться по нижней части левого редута, некогда грозного земляного укрепления, то оно в плане представляет из себя правильный четырехугольник или квадрат со сторонами 60 на 60 м. Правее левого редута расположены остатки куртинного вала. Перед ним, в некотором отдалении от редута, виднеется то, что осталось от левого бокового люнета. С наружной стороны куртинный вал совершенно разрушился, хотя кое-где его высота достигает 3-4 м. Сейчас уже нигде нет и намека на остатки подземных казарм, некогда находившихся в его толще, невозможно определить, где были капониры. Средний люнет практически не сохранился, хотя место его нахождения определяется визуально — здесь сейчас жилые дома ул. Батурина и пер. Р. Люксембург. Частично сохранились и еще сейчас просматриваются остатки правого (бокового) люнета (со стороны нынешнего кинотеатра «Мир»), который располагался у бывшей дороги Минск-Москва (сейчас это ул. Р. Люксембург). Несколько правее этого люнета находятся остатки правого редута Е. Высота его наружного вала и сейчас достигает 6 метров. На скатах редута Е частная застройка, виднеются остатки выхода (входа) в него с юга. Набережный вал частично сохранился, кое-где высота его достигает 10 м и более. Фасы бывшего вала сглажены и разрушены, но еще угадываются. Набережный вал до половины (вся его северо-восточная часть) застроен частными домами и хозяйственными постройками 1-й Советской больницы, лечебные корпуса которой располагаются преимущественно в центральной части бывшего укрепления. В плане набережный вал представляет из себя ломаную линию, состоящую из трех отдельных линий валов (фасов), которые протянулись с севера-востока на юго-запад примерно на 500 м и расположены полукругом. Эти валы, по-видимому, можно было бы условно назвать наружный, средний и внутренний. Если воспользоваться компасом, то можно убедиться, что только левая половина «батарей» строилась фронтом строго на запад, как подчеркивается в некоторых источниках о войне 1812 года. Другая, правая, часть построена фронтом к ведущей из Минска в Борисов дороге, участок которой в то время проходил по нынешней ул. Р. Люксембург.

На северо-запад «смотрят» только левый редут и левый люнет и частично - средний люнет, а также левая часть куртинного вала. Правый люнет, правый редут и правая часть куртинного вала, как бы разделенная пополам средним люнетом, расположены фронтом на север, а правый редут устроен фронтом на северо-восток. Набережный вал устроен полукругом строго тылом к р. Березине. Длина всех валов «батарей» по окружности, если измерять по верхнему краю наружного вала, составляет около 1200 м, если по подошве - около 1500 м. С учетом же территории, которую некогда занимали люнеты и накатники перед ними, длина окружности «батарей» составляет около 2000 м. План-схема, имеющаяся в нашем распоряжении, только частично соответствуют тем деталям мостового укрепления, которые сохранились до настоящего времени. Они позволяют (хотя и с большим трудом) идентифицировать его некоторые части.

В заключение хочется подчеркнуть, что «батареи» еще в 1831 г. в обрамлении высоких валов представляли из себя своеобразную, довольно глубокую «чашу», земля из которой была выбрана трудом сотен людей и пошла на постройку этих укреплений. Точно изобразить мостовые укрепления, исходя из тех примет, которые еще сохранились, сейчас очень сложно. К сожалению, дошедшие до нашего времени фрагменты предмостных укреплений не дают достаточного представления как об их инженерных достоинствах, так и недостатках. 1926 г. Совет народных комиссаров Белоруссии принял постановление о признании «батарей» памятником истории и об объявлении их государственной собственностью. В 1985 г. здесь установлен памятный знак^{liii}.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Россия: Полное географ. описание нашего отечества: Настольная и дорож. книга для рус.

- людей / Под ред. В.П. Семенова и под общим рук. П.П. Семенова и акад. В.И. Ламанского. Т 9: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1905. С. 406.
- ⁱⁱ *Клейн Э.М., Довеяло Д.К., Белоцерковец Н.Е.* Город Борисов: Наружное описание, промышленность и обществ, жизнь: История. Вильно: Тип. А.Т. Сыркина, 1910. С. 55.
- ⁱⁱⁱ Россия: Полное географическое описание... Т. 9. С. 407.
- ^{iv} *Клейн Э.М., Довеяло Д.К., Белоцерковец Н.Е.* Указ. соч. С. 64-65.
- ^v России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев / Сост. С.С. Волк, СБ. Михайлова М.: Современник, 1988. С. 35.
- ^{vi} *Васильев И.И.* Несколько громких ударов по хвосту тигра. М.: Рейтаръ, 2001. С. 134.
- ^{vii} Копия рапорта 7-го Егерского полка майора Михеева графу Де-Ламберту // ЦГВИА РФ. Ф. 103. Оп. 208-а. Св. 0. Д. 14. Л. 254 об.
- ^{viii} Дневное описание учителем Сухецким деяний и приключений, случившихся в городе Борисове и тамошнем лицее, начиная с 9 сентября 1809 г. по октябрь 1813 г., и бывших в 1812 г. около него сражений и переходов через город в 1813 г. российских войск // РГВИА РФ. ВУА. Д. 3465. Ч. 13. Л. 210.
- ^{ix} Г. Борисов и Борисовский уезд в Отечественную войну 1812 года / Сост. В.Г. Краснянский. Гродно: Губерн. тип., 1913. С. 6
- ^x Там же.
- ^{xi} *Анухтин А.Н.* Березинская операция // Отечественная война и русское общество, 1812-1912: Юбил. изд. / Ред. А.К. Дживелегова, СП. Мельгунова, В.И. Пичета. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1912. Т. 4. С. 244-245.
- ^{xii} Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1910. Т.13. С. 265.
- ^{xiii} Отечественная война 1812 года на Борисовщине / Отв. За вып. Ж.В. Гилевич. Борисов: БКМ; ГОООП, 1987.
- ^{xiv} Отечественная война и русское общество, 1812-1912. Т. 4. С. 245.
- ^{xv} *Мазинг Г.Ю., Ерусалимчик Л.Ф.* Березина, год 1812-й. Минск: Полымя, 1991. С. 8.
- ^{xvi} *Ненадавец А.М.* Крэпасць на Бярэзшы. Минск: Полымя, 1993. С. 7.
- ^{xvii} Там же. С. 9.
- ^{xviii} Там же. С. 7.
- ^{xix} России двинулись сыны... С. 34.
- ^{xx} Там же.
- ^{xxi} ЦГВИА. ВУА. Д. 3465. Ч. 13. Л. 213.
- ^{xxii} России двинулись сыны... С. 34.
- ^{xxiii} Россия: Полное географическое описание... Т. 9. С. 404.
- ^{xxiv} Г. Борисов и Борисовский уезд в Отечественную войну 1812 года. С. 47.
- ^{xxv} Там же. С. 7.
- ^{xxvi} ЦГВИА. ВУА. Д. 3465. Ч. 13. Л. 211.
- ^{xxvii} Михайлов О. «Гроза двенадцатого года»: Ист. повествование // Наш современник. 1982. № 10. С. 16.
- ^{xxviii} *Волкеништейн А.Е.* История Лейб-гвардии саперного батальона, 1812-1852 гг. СПб., 1852. С. 187.
- ^{xxix} Мазинг Г.Ю. Карл Андреевич Шильдер, 1785-1854. М.: Наука, 1989. С. 12.
- ^{xxx} Там же. С. 13.
- ^{xxxi} ЦГВИА. ВУА. Д. 26071. Л. 1.
- ^{xxxii} Там же.
- ^{xxxiii} Там же. Л. 1 об.
- ^{xxxiv} Там же.
- ^{xxxv} Там же. Л. 2.
- ^{xxxvi} *Tyskiewicz E.* Opisanie powietu Borusawskiego. Wilno, 1847. S. 91.
- ^{xxxvii} ЦГВИА. ВУА. Д. 26071. Л. 7.
- ^{xxxviii} Там же. Л. 7 об.
- ^{xxxix} Там же.

-
- x^l Там же. Л. 2 об.
x^{li} Там же. Л. 2.
x^{lii} Там же. Л. 1
x^{liii} Там же.
x^{liv} Военный энциклопедический словарь // Пред. гл. ред. комиссии Н. В. Огарков. М.: Воениздат, 1983. С. 354.
x^{lv} ЦГВИА. ВУА. Д. 26071. Л. 2 (об.)
x^{lvi} Там же. Л. 3.
x^{lvii} Там же.
x^{lviii} Там же.
x^{lix} Там же.
^l Там же. Л. 3 об.
^{li} Там же. Л. 3.
^{lii} Там же. Л. 3 об.
^{liii} См.: Отечественная война 1812 года на Борисовщине.